

**МАЩИТЬКО О. В., кандидат философских наук, доцент
Белорусского государственного университета культуры и искусств**

Язык современного религиозного фундаментализма

В статье рассматриваются языковые проявления одного из наиболее значимых элементов постсекулярной культуры – идеологии религиозного фундаментализма. В рамках языкового анализа идеология трактуется как социально произведенный текст, в котором значение не просто воздействует на систему мышления, но является реальным социальным фактом. В качестве конститутивных для идеологии религиозного фундаментализма указываются такие языковые закономерности, как разделительный дискурс, конституирование двух социосимволических миров и монологичность.

The article deals with the language of manifestation of one of the most important elements postsecular culture – ideology of religious fundamentalism. As part of the analysis of language ideology is treated as a socially produced text in which the value does not only affect on the system of thought, but it is a real social fact and force. As a constituent for the ideology of religious fundamentalism specified such language patterns as separating discourse, constitution of two worlds and monolog stile.

Введение. Начиная с периода «лингвистического поворота», приоритетным способом рассмотрения социогуманитарных проблем становится языковой анализ. Проблема идеологии не является исключением: она трактуется как социально произведенный текст, в котором значение не просто воздействует на систему мышления, но является реальным социальным фактом. Язык трактуется как среда, через которую можно наиболее эффективно получить доступ к массовому сознанию, а власть – как контроль над языком, возможность фиксации значений, закрытия интерпретации. При этом в ходе трансформации социогуманитарного знания от неклассики к постнеклассике можно отчетливо наблюдать изменение риторики в отношении идеологического статуса языка: от «дома языка» – у М. Хайдеггера, до «тюрьмы языка» – у Ф. Джеймсона и языка как «пыточной камеры» – у Ж. Лакана.

Поскольку идеология подразумевает языковые трансформации, логично предположить наличие лингвистических проявлений «постидеологического», а в

религиозном аспекте – постсекулярного состояния современной культуры.

Среди исследований религиозного фундаментализма в настоящее время преобладают исследования, касающиеся его исламской версии, сущности и истоков, в большинстве своем имеющие отрицательную коннотацию (Lipset S., Raab E., Swearer D., Ruthven M. и др.). Ряд феноменов, таких как экстремизм, нетерпимость, терроризм, неспособность к диалогу, стали восприниматься едва ли не как синонимичные фундаментализму. Гораздо меньшее количество исследований делает акцент на характеристике религиозного фундаментализма как реакции на секуляризацию. Применительно к православному фундаментализму это, прежде всего, антикумнические работы (прот. Митрофан (Зноско-Боровский), митр. Иоанн (Снычѳв), диак. Андрей (Кураев), Р. Вершилло, О. Четверикова и др.). При этом системные исследования, характеризующие место религиозного фундаментализма в современной культуре сквозь призму изучения его языка, отсутствуют.

Цель статьи – экспликация языковых проявлений одного из наиболее значимых элементов постсекулярной культуры – идеологии религиозного фундаментализма. Основным объектом рассмотрения является православный фундаментализм как наиболее актуальный для белорусской культуры.

Основная часть. Понятием фундаментализма в настоящее время обозначается ряд религиозных и идеологических феноменов, центрирующихся вокруг идеи антимодернизма [1]. Защита от модерна является конститутивной для фундаментализма, являющегося инвариантом современной постсекулярной культуры, присутствующем во всех существующих религиях.

Конститутивным для религиозного фундаментализма является стремление мыслить в рамках двух миров. На языковом уровне эта черта проявляется в разделительной риторике и использовании идеологических дуализмов: «мы – они», «Восток – Запад», «дар ал-ислам – дар ал-гарб», «зоны мира – зоны нестабильности». Будучи воспринимаемыми сквозь призму определенной идеологии, отношения между парами становятся понятными и предсказуемыми. При этом религиозные мотивы разделяют людей гораздо более резко, чем этнические: «...каждый может быть “полуфранцузом” и “полуарабом”, оставаясь при этом одновременно гражданином и Франции, и Алжира», однако невозможно представить “полукатолика” или полумусульманина» [2, с. 181]. Связано это с тем, что по самой своей сущности религия претендует на обладание полнотой истины, что автоматически ведет за собой бескомпромиссность в вопросах вероучения. В этом смысле достаточно сложно провести четкую границу между фундаментализмом и последовательной ортодоксальной позицией (если, конечно, не принимать во внимание экстремистские формы религиозной идеологии).

Разделение является одним из лейтмотивов традиционного христианского

дискурса. В рамках Священной Истории происходит постоянное отделение правоверных от «балласта» [3]. Каин и Авель, потомки Сифа и остальное человечество, затем Ной и великий потоп, далее Священную историю продолжает один из трех сыновей Ноя Сим, после Авраама исключается Измаил и т.д. В рамках уже христианской истории происходит деление на «Израиль по духу» и «Израиль по плоти». Тема «разделения» продолжается в евангельской проповеди: отделение зерна от плевел [Матф. 13: 24 – 30], овец от козлиц [Матф. 25: 31 – 46] и пр. Разделительный дискурс является отличительной чертой сочинений святых Отцов: «Когда сегодня собирается экуменическая конференция, её участники прежде всего начинают искать консенсус <...>. А святые отцы I Вселенского Собора искали повод поругаться. Они искали такое слово, которое бы, как меч, разрубило видимое единство православных и ариан» [4, с. 74]. Как метко выразился А. Кураев, «Богословие – поиск наиболее точных, а не наиболее приемлемых слов и формул» [4, с. 74]. Г. Флоровский писал: «Непримиримость – это лишь неодобрительное название убежденности» [5].

В силу этого та или иная степень конфликтности традиционного христианского дискурса с современными ценностями толерантности неизбежна. Антиэкуменическая риторика, настороженное отношение к межконфессиональному диалогу, антикатолицизм, антисектантство, антилиберализм, антисемитизм, критика западной культуры являются закономерным следствием защиты вероучительных границ. Любые компромиссы здесь оцениваются как покушение на основы веры: «Они приравнивали Небо к земле, Христа – к другим “основоположникам религии”, Благою весть – к иудейскому, мусульманскому и языческому вероисповеданиям. И все это во имя так называемой “терпимости” и “в интересах мира” между людьми и народами. <...> истина не позволяет равнять себя с полуправдой и ложью» [6], «...в обществе устанав-

дывается толерантное согласие помимо Истины. Ведь Истина разделяет, а мнение объединяет, так как все мнения по определению равноправны» [7]. Сама самоидентификация восточного христианства как «православия» акцентирует такой аспект, как защита «правильной» веры, ортодоксии от ересей и искажений (к числу которых, в современном варианте, относятся и модернистские нововведения). Конститутивным для фундаментализма вообще, и православной его версии в частности, является утверждение, согласно которому истина должна разделять. Между тем, именно такая нетолерантная позиция считается неприемлемой с точки зрения либеральных ценностей и оценивается как фундаменталистская и даже экстремистская.

Языковое разделение онтологически реализуется в конституировании двух социосимволических миров. Вторая языковая закономерность функционирования религиозного фундаментализма характеризует способ, которым языковое разделение проявляется в социальном и культурном пространстве: возникает четкое деление социального пространства на «свое» и «чужое». Эта черта присуща любой классической идеологии, однако в религиозном варианте она дополнительно подкрепляется разделением сакрального и профанного. Сакрализация используется также светскими идеологиями, однако там она направлена на имманентный объект. В религиозной же идеологии сакрализация осуществляется через апелляцию к сфере трансцендентного, к Абсолюту.

В конституировании двух социосимволических миров можно выделить несколько уровней.

Первый, индивидуальный уровень является конкретизацией языкового разделения, понятийным и программным оформлением идеологического деления на своих и чужих, идеей миссии, борьбой за истину, мобилизацией для защиты ортодоксии, «своего» мира от внешних сил. Фундаменталист мыслит себя в терминах

защитника, солдата веры, который противостоит неверным, еретикам. Модель противостояния неверным как необходимая составляющая праведности заложена уже в евангельском учении: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмой? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?» [2Кор. 6: 14-17]. Это предполагает совсем иной образ верующего, с акцентом не на морализаторство, гуманизм, пацифизм, толерантность, а на героические, даже воинственные черты. Эта установка вписывается в ортодоксальную традицию восприятия истинных верующих, в особенности подвижников и монашествующих, в качестве «воинов Христа». Гуманистический, морализаторский аспект христианства ассоциируется с теплохладностью, толстовством и трактуется как в ряде случаев неуместный (например, в вопросах защиты веры от ересей, защиты православных святынь и пр.). Синергия, обожение как цель христианской жизни и подлинная самореализация в православной антропологии представлена как духовная брань, аскеза описывается по аналогии с ратным трудом (и воин, и аскет одинаково уходят от мира, оба живут в обстановке изолированного братства, оба служения связаны со значительными лишениями): «Монах подобен воину, идущему на брань, который отовсюду ограждает тело своё полным вооружением, трезвится до самой победы, и беспокоится, чтобы вдруг не напал на него враг, и чтобы ему, если не примет предосторожностей, не попасть в плен» [8]. Метафизическое сходство воинского подвига и аскезы основано на крайней степени самоотречения, и именно такой образ верующего берется за образец религиозным фундаментализмом, противопоставляя ему пассивного, созерцательного адепта.

Второй, онтологический уровень, связан с делением мира на сакрализованное «свое» идеологическое пространство и профанный мир, включающем вы-

теснение из первого «чуждых элементов». Некоторые авторы [9] в этой связи вполне справедливо (несмотря на то, что они вкладывают в это обозначение отрицательный смысл) называют фундаментализм «православием отрицания», противопоставляя его «православию утверждения». Религиозный фундаментализм выстраивает онтологию без оттенков, «черно-белый» образ мира. Аксиологический дуализм делит мировое пространство и все текущие события на сферы добра и зла. Ввиду непрерывной экспансии зла в социокультурном пространстве наиболее эффективной стратегией является самоизоляция: «<...> есть прекрасное разногласие и самое пагубное единомыслие; <...> Но когда идет дело о явном нечестии, тогда должно скорее идти на огонь и меч, не смотреть на требования времени и властителей <...>» [10, с. 4]. Для сравнения: сторонники модернизации демонстрируют совсем другой подход к принципам богословского диалога: «Методология ведения богословских диалогов направлена на разрешение традиционных богословских различий <...> и на поиск общих моментов христианской веры. <...> В том случае, когда какое-либо богословское различие преодолеть невозможно, богословский диалог может продолжаться <...>. <...> Общей для всех целью богословских диалогов является окончательное восстановление единства в правой вере и любви» [11]. Полагая, что святоотеческие принципы «устарели» и «неполиткорректны», предлагаются учения о конфессиях как о «двух легких Христа», Церквях-сестрах, теории ветвей. Как сказано в одной из последних католических энциклик: «Когда вы думаете, что все черно-белое, иногда мы сходим с пути милости и роста» [12].

Третий, мифологический уровень, связан с видением исторического процесса явной идеологией и описывает перспективы развития онтологического проекта, заявленного на втором уровне. История носит сакральный характер, все

события в ней детерминированы внешними силами. Мировая история трактуется в терминах бинарной оппозиции двух сил – светлой и темных, «отпавших от истины» и «стоящих в истине», приближающих приход антихриста (в качестве таковых могут выступать весь неправославный мир, Запад, тайные организации). Значимым элементом языка фундаментализма является апокалиптическая риторика. Будущее уже существует как метаисторическая реальность [13, с. 112] в предсказаниях, пророчествах, апокалиптических ожиданиях, это потенциально реализованная цепь событий, уже существующая вне реальной истории.

В зависимости от специфики конституирования социосимволической реальности возникают две различные языковые стратегии объективации идеологии. В идеологии религиозного фундаментализма – это стратегия монолога (для «своего» пространства) и стратегия лишения голоса (для «чужого» пространства): мир символически делится на имеющих и не имеющих право голоса. Принцип монологичности специфицируется в соответствии с трактовкой абсолютного субъекта (как первичного означающего) в качестве Божественной инстанции. Политические идеологии в этом отношении имитируют религию в той мере, в которой центральный элемент идеологического дискурса претендует на сакральность.

Принцип лишения голоса чужого идеологического пространства в религиозном фундаментализме реализуется в двух аспектах, которые можно условно обозначить как вертикальный и горизонтальный. Первый связан с тактикой выстраивания отношений с трансцендентным, что предполагает молчание (на языке православной этики – смирение). Горизонтальный аспект предполагает лишение голоса, выходящего за рамки правоверия, выведение его за рамки «своего» идеологического поля. Чем универсальнее идеологический дискурс, тем брутальнее исключения определенной формы «другого».

Постсекулярный принцип, согласно которому каждая религия негласно (и иногда и гласно) обязуется вести диалог с другими религиями, причем к числу обязательных предпосылок диалога относится отказ от претензии на обладание истиной, оказывается для православного фундаментализма неприемлемым по нескольким причинам. В первую очередь, исторически православный фундаментализм концентрируется именно на защите ортодоксии – традиции и Предания. Логично, что, концентрируясь на вопросе Истины, он оказывается более бескомпромиссным (для сравнения: протестантский фундаментализм ориентирован на борьбу с либеральными и секулярными трактовками Писания, католический – на сохранении политического влияния, исламский – на территориальную и культурную экспансию). Экуменическое сближение в настоящее время буквально вменяется в обязанность, исходя, в числе прочего, из соображений конфессиональной близости, частичного единства Писания и Предания христианских религий и иудаизма. Однако для фундаментализма это не сближающий, а наоборот, разъединяющий фактор, поскольку чем ближе вероучение, тем сильнее потребность в четкости самоидентификации.

В этом смысле религиозный фундаментализм подрывает проект постмодерна, основывающийся на плюрализме и толерантности. В культуре постмодерна фундаментализму отведено место одной из языковых игр, одного голоса в полифонии, одной из версий культурного самоопределения, которое, в принципе, имеет право на существование, однако при условии его несерьезного, ироничного, профанирующего восприятия. Примерно так в западном кинематографе изображают амишей – они живут в своем мире, замкнутом социальном пространстве и имеют на это право до тех пор, пока не делают заявку на серьезное восприятие своего голоса. Религиозному фундаментализму в постсекулярном мире отведено место маргиналов, проти-

востоящих «большому» миру. В культуре постмодерна в целом религии отведен статус несерьезного явления, предполагающего ироничное, поверхностное отношение. Такая позиция является вызовом для религии, порождая вопрос о принципиальной возможности несерьезной религиозности.

Заключение. Таким образом, при рассмотрении религиозного фундаментализма как определенного типа дискурса можно выявить следующие языковые закономерности его функционирования. Во-первых, языковое разделение, которое проявляется в отказе от поиска консенсуса; в стремлении к четкости формулировок, поиске точных (а не общеприемлемых) слов и формул, использовании выражений, наиболее четко ограждающих истину. Во-вторых, конституирование двух социосимволических миров, являющееся онтологическим следствием идеологического разделения и проведения грани между «своим» и «чужим». В свою очередь, логическим следствием второй черты является монологичность «своего» и лишение языка «чужого» идеологического пространства. Необходимо отметить, что в дискурсе религиозного фундаментализма в статье обозначены только те закономерности, которые отвечают за так называемую внешнюю легитимацию идеологии, то есть характеризуют выстраивание ее взаимоотношений с реальным или мнимым идеологическим противником. Языковые черты фундаментализма воспринимаются в качестве «экстремистских», исходя из культурного и исторического контекста: господства либеральной установки на необходимость сближения между религиями, постсекулярного видения языка религии как одного из множества языков культуры при наличии жесткого и однозначного запрета на претензии обладания исключительностью, общей установки на деидеологизацию (начиная с конца XX в.), деструктивной ролью исламского фундаментализма в его террористической версии.

1. Ruthven, M. Fundamentalism. The Search for Meaning / M. Ruthven. – Oxford : Oxford University Press. – 2005. – 246 p.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М. : АСТ, 2006. – 571 с.
3. Кураев, А. Человек приходит в мир. Может ли православный быть эволюционистом / А. Кураев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://predanie.ru/kuraev-andrey-protodiakon/book/71839-chelovek-prihodit-v-mir-mozhet-li-pravoslavnyy-byt-evolyucionistom/>. – Дата доступа : 02.04.2015.
4. Кураев, А. Все ли равно как верить? : сб. ст. по сравнит. богословию / А. Кураев. – Клин : Изд-во Братства святителя Тихона, 1994. – 174 с.
5. Флоровский, Г. О границах Церкви [Электронный ресурс] / Г. Флоровский. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/flovovsky/index.html> – Дата доступа: 08.02.2016.
6. Сербский, Н. Любостыньский стослов [Электронный ресурс] / Н. Сербский. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/lyubostyns – Дата доступа: 12.05.2016.
7. Вершилло, Р. Религиозно-политическое «тело» [Электронный ресурс] / Р. Вершилло. – Режим доступа: <http://antimodern.ru/religio-politica/> – Дата доступа: 04.06.2016.
8. О героическом характере истинного Православия // Одигитрия. Православие или смерть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odigitria.by/2016/03/09/nichego-obshhego-s-gumanizmom-pacifizmom-tolerantnostyu-i-prochimi-masonsikimi-dobrodetelyami-o-geroicheskom-kharaktere-pravoslaviya/> – Дата доступа: 12.06.2016.
9. Костюк, К. Н. Православный фундаментализм [Электронный ресурс] / К. Н. Костюк. – Полис. Политические исследования, 2000. – № 5. – Режим доступа: http://www.politstudies.ru/index.php?page_id=453&id=2804&at=a&pid= – Дата доступа: 12.08.2016.
10. Богослов, Г. Слово б-е о мире, произнесенное в присутствии Отца после предшествовавшего молчания по случаю воссоединения монашествующих : Собрание творений : в 2-х т. / Г. Богослов. – Свято-Троицкая Сергиева лавра. – 1994. – Т. 1. – С. 341 – 376.
11. Проект документа Всеправославного Собора, принятый V Всеправославным предсоборным совещанием в Шамбези, 10–17 октября 2015 года // Официальный Портал Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.church.by/ru/docs/vsepravoslavnyj_sobor 12.04.2016 – Дата доступа: 14.04.2016.
12. Francis, Pope. Amoris lætitia: Post-synodal Apostolic Exhortation on love in the family / Pope Francis. – Vatican City: Libreria Editrice Vaticana. – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w2.vatican.va/content/dam/francesco/pdf/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20160319_amoris-laetitia_en.pdf. – Дата доступа : 01.08.2016.
13. Левкиевская, Е. Современный русский исторический миф и способы его восприятия / Е. Левкиевская // Этнолингвистика. – 2000. – № 2. – С. 97 – 120.

Статья поступила в редакцию 02.12.2016